

Но тогда у него действительно не было сил разобраться в себе, он чувствовал лишь вину. А позже это чувство изменилось, и он не знал, когда именно...

Он понимал, что такие мысли неправильны, и одна лишь попытка задуматься об этом казалась ему осквернением Сюэ Динъюаня.

Но жизнь была слишком тяжёлой, и только мысли о Сюэ Динъюане казались спасением.

Однако он боялся думать об этом слишком много, просто давал себе возможность перевести дыхание.

Его мать продержалась до конца только благодаря семье прораба. У того начальника доброе сердце, поэтому рабочие старались изо всех сил, но, похоже, все заработанные деньги ушли на лечение его родных.

В день, когда матери не стало, семья прораба снова плакала вместе с ним полдня и предложила забрать его к себе, чтобы растить как родного сына.

Он отказался, но те люди помогли ему во многом. Когда всё закончилось, он прислонился к больничному окну, пытаясь глотнуть воздуха, но тело не слушалось, медленно сползая вниз. Его бил крупная дрожь, встать он не мог.

Сколько времени он пребывал в этом полубессознательном состоянии, не знал, но вдруг услышал голоса прохожих за окном:

— Чжан Цуйлань — действительно бессердечная женщина. Посмотри, как она Сюэ Динъюаня избивала! Ребёнок просто глупый.

— А что делать, если глупый? Даже если сбежит, всё равно вернётся в этот дом. Это его корни, их не оборвёшь.

Услышав имя Сюэ Динъюаня, он словно ожил.

Но он слишком долго стоял неподвижно и смог прийти в себя только спустя какое-то время... А потом пойти к Сюэ Динъюаню...

Вспомнив об этом, он очнулся и обнаружил, что его палец уже тянется к бугорку губы Сюэ Динъюаня. Он резко отдернул руку и снова пристально разглядел спящего.

Сюэ Динъюань был отличником, хорошим парнем. Хотя жизнь его не баловала, он был художавым, но на лице сохранялась детская припухлость. Однако он всегда вёл себя как взрослый, и в его словах и поступках чувствовалась надёжность.

И на него действительно можно было положиться: он был умным, в отличие от Чу Хуншэна, который умел только использовать грубую силу. Даже выражение лица у Сюэ Динъюаня было зрелым. И если не считать того времени, когда он тяжело болел и сидел дома взаперти, то казалось, что никакие неприятности его не могут сломить. Он к тому же очень терпеливо относился к Чу Хуншэну...

Хотя иногда эта терпимость походила на детское капризничание, но даже в нём сквозило нотки такого смысла: «Не приставай ко мне. Если уж я, такой человек, разрешаю себе капризнуть, чего же ты ещё хочешь?».

Было в этом что-то странное.

Иногда ему казалось, что Сюэ Динъюань совсем не похож на шестнадцатилетнего.

Но у этого парня была не только детская припухлость на щеках, но и заметный бугорок на верхней губе... Круглый и мягкий, отчего его улыбка казалась ещё более детской и наивной...

Чу Хуншэн подумал и решил, что всё-таки хочет потрогать... Ведь... всего один раз.

Он твёрдо решил не втягивать Сюэ Динъюаня в свои проблемы. Он знал, что это ненормально и плохо, поэтому с самого начала решил: как только жизнь Сюэ Динъюаня наладится, он уйдёт.

Потому что он знал свой характер: вспыльчивый и импульсивный. В любой момент можно проговориться и выдать себя.

К тому же, быть рядом с любимым человеком и каждую секунду заставлять себя сдерживаться — это невыносимая мука.

Расставание — тоже мука.

Но быть вместе — ещё хуже.

Он выбрал расставание. Хотя бы ради безопасности Сюэ Динъюаня.

Пока Чу Хуншэн предавался этим мыслям, его кончик пальца коснулся губ Сюэ Динъюаня.

Мягко, тепло...

Но по пальцу мгновенно пробежал нестерпимый жар, устремляясь вверх, словно кожа сейчас треснет от жжения.

Сюэ Динъюаню щекотно, он снова повернулся, и на этот раз действительно свалился прямо к Чу Хуншэну в объятия.

Внезапная потеря опоры испугала его, он резко открыл глаза и обнаружил, что Чу Хуншэн его подхватил. Он моргнул, взгляд ещё был затуманенным сном.

Чу Хуншэн тоже перепугался, сердце бешено колотилось, горло сжало так, что трудно было говорить. С трудом он выдавил из себя, голос звучал сухо и хрипло:

— Если хочешь спать, ложись на кровать.

Сюэ Динъюань действительно хотел спать, поэтому сонно отозвался:

— Ага...

Он собрался встать и идти на кровать, но в следующую секунду его уже подняли на руки.

Он широко распахнул глаза, рефлекторно обхватил шею Чу Хуншэна, и через пару шагов оказался в постели.

У Сюэ Динъюаня в голове царил хаос.

Очень сложные чувства!

И какой ещё чертов стыд?!

Хотя в прошлый раз его уже переносили вместе с одеялом, так что, вроде бы, ничего страшного.

Он посмотрел на Чу Хуншэна. Тот по-прежнему ничего не выражал лицом, просто накрыл его одеялом:

— Спи!

Сказав это, он развернулся было уходить, но комната была такой маленькой, что оставалось только сесть на диван. Ему стало неловко, и он снова встал:

— Я пойду, пройдуь немного.

Не успел он договорить, как Сюэ Динъюань приподнялся, поправил волосы и предложил:

— Может, ты тоже поспишь немного? Вечером вместе прогуляемся.

Будто кто-то чужой подсказал ему, Чу Хуншэн кивнул.

После того как одеяло однажды упало на пол, Сюэ Динъюань убрал его, пожаловавшись, что тесно, да и оба пододеяльника испачкались, а запасных нет.

Внутри у Чу Хуншэна всё бурлило, но в конце концов он решил немного расслабиться и не возразил.

Однако сейчас ему было стыдно стаскивать одеяло. К счастью, с отоплением было не холодно, и он просто лёг рядом с Сюэ Динъюанем.

Сон не шёл, но спустя какое-то время он начал проваливаться в дремоту. Перед тем как окончательно отключиться, он почувствовал, как кто-то накрыл его одеялом, а потом потерял счёт времени.

Когда Сюэ Динъюань проснулся, в комнате уже было темно. Звёздный свет чуть-чуть пробивался сквозь незашторенное окно. Он повернул голову и увидел Чу Хуншэна.

С открытыми глазами Чу Хуншэн выглядел довольно свирепо, но с закрытыми — лишь холодным и суровым.

Но он был действительно красив.

Такой красотой: густые брови, большие глаза, высокий нос. В нём чувствовалась что-то от азиатских черт, смешанных с европейскими. Ресницы были длинные и густые, отчего взгляд казался пушистым. Скулы словно высечены ножом, но подбородок слегка загибался вверх, как будто с маленьким крючком...

Он сам не заметил, как застыл, разглядывая его. Чу Хуншэн открыл глаза, и Сюэ Динъюань резко очнулся, тут же вскакивая:

— Я в ванную. Если не голодны, давай сначала прогуляемся, а поесть вернёмся.

Он убежал, словно спасаясь бегством, и только умывшись ледяной водой, немного пришёл в себя.

Выходя из ванной, он увидел, что свет уже включён. Посмотрев на часы, он обнаружил, что уже больше пяти. Голод он пока не чувствовал, поэтому предложил:

— Я слышал, сестра Нин говорила, что на пешеходной улице в шесть вечера запускают фейерверки. Пойдём посмотрим?

Чу Хуншэн кивнул, и Сюэ Динъюань начал одеваться, собираясь выходить.

Чу Хуншэн вдруг произнёс:

— Сегодня холодно. Надень шапку, шарф и перчатки.

Сюэ Динъюань замер:

— Не надо!

Но Чу Хуншэн уже принёс вещи:

— Быстрее надевай.

Сюэ Динъюань не подставлял рук:

— Не хочу!

Это был комплект, который Чу Хуншэн купил ему позавчера. При виде него Сюэ Динъюань чуть не поперхнулся: это был набор... шапка с ушками панды, шарф с вышитым по бокам бамбуком, а перчатки, чёрт возьми, были в виде лап.

Что это за дичь?!

Он тут же потащил Чу Хуншэна обратно, чтобы обменять, но тот парировал его аргументы фразой:

— Этот набор самый дешёвый.

Причём здесь дешевизна?!

Он уговаривал Чу Хуншэна сдать их обратно, но тот его игнорировал, а сейчас снова достал...

В принципе, когда ему дарят что-то, он тронут, но не такие же вещи!

Чу Хуншэн, видя, что тот не двигается, сам принялся надевать на него шарф и шапку, а потом затащил в ванную к зеркалу:

— Смотри, отлично.

Сюэ Динъюань посмотрел на своё отражение. Это было слишком мило, честно говоря. Если бы на ком-то другом — он бы тоже оценил.

Но когда это на нём, он только стиснул зубы:

— Мне уже шестнадцать.

Чу Хуншэн кивнул:

— В восемнадцать носить уже нельзя будет.

Сюэ Динъюань опешил.

В итоге он позволил Чу Хуншэну вытащить его на улицу, выслушав его доводы:

— Вещи куплены, нельзя же им пылиться. Это же расточительство?

Сюэ Динъюань подумал и решил, что логика есть. Да и принципиального вопроса это не касалось, максимум — странный вкус Чу Хуншэна. Пришлось смириться.

До пешеходной улицы было далеко, пешком не дойти, поэтому они сели в автобус.

В то время развлечений было мало, и при любом поводе народ валил толпой, поэтому в автобусе было битком. Еле протиснулись.

Чу Хуншэн нашёл для Сюэ Динъюаня хорошее местечко, где тот мог опираться на спинку сиденья, а сам встал напротив, держась за верхний поручень.

Оба сохраняли абсолютно каменное лицо.

Чу Хуншэн — потому что он таким был.

<http://bllate.org/book/16745/1561817>